

Т. И. БУТКЕВИЧ

Протестантство в России

<Фрагменты>

1. *Краткие исторические сведения.* Протестантские идеи стали проникать в Россию почти одновременно с распространением их в Европе, в германских государствах. В Древней Руси их первоначально пропагандировали главным образом гамбургские и кенигсбергские купцы, торговавшие в Новгороде и находившиеся в постоянных и оживленных сношениях с новгородцами. Впрочем, скоро, еще при жизни Лютера, не замедлили появиться у нас, и притом в самой Москве, и протестантские общины, правильно организованные. Лютер умер 18 февраля 1546 г.; а уже в последние годы княжения Василия Ивановича (1524–1533) в Москву прибыли многие «люторы», как называли в допетровской Руси его последователей, — в лице «дохтуров», аптекарей, торговых людей, художников и разного рода ремесленников. Еще большее число протестантов — «дохтуров гораздых», «барберов» или цирульников, пускавших больным кровь, «пушкарников», «художников», «искателей злату и серебру», «мастеров хитрых», «изуграфов, в науки наученных» — было вызвано в Россию царем Иваном Васильевичем Грозным. Они явились в Москву и были поселены на Варварке вместе с своими семействами, прислугою, помощниками и подмастерьями. Кроме Москвы в это время немцы-протестанты жили уже общинами и в других русских городах: Владимире, Угличе, Костроме, Нижнем Новгороде, Твери, Казани и Архангельске. В письмах к своим землякам жившие в Москве немцы сами не скрывали того, каким расположением Иоанна Грозного они пользовались. Он хвалил их обычаи и, по жалобе одного из них, оштрафовал на 60 000 рублей самого московского митрополита... за какую-то обиду, причиненную немцам. По их словам, он постоянно просил у них советов и гордился своим

немецким происхождением, утверждая, что род его происходит от *баварских* владетелей и что даже название русских сановников *боярами* вообще означает *баварцев*. Об этом говорит Ценг. Но вот и рассказ Флетчера¹: «Иоанн, велел одному английскому золотарю сделать для него блюдо и хорошенько взвесить отданный ему слиток металла, примолвил: “не верь моим русским: они все воры”. — “Но, называя всех русских ворами, заметил золотарь, — вы забываете, Ваше Величество, что Вы сами принадлежите к их числу”. — “Нет, отвечал Иоанн, я — не русский: мои предки были немцы”». Дабы утвердить связь с немцами, — говорит наш историк Карамзин, — Грозный хотел женить своего сына на немецкой княжне, а дочь выдать замуж за немецкого князя. Мало того: он ведь даже и сам хотел жениться на немке.

В царствование сына Грозного, Феодора Иоанновича, 5000 немцев уже служили в русских войсках. Борис Годунов не только вызвал в Россию множество немецких ремесленников и техников, но и оказывал особенное покровительство протестантам, бежавшим в наши пределы из разных западно-европейских государств по причине тогдашних религиозных войн и жестокого преследования как лютеран, так и реформатов. «Не печальтесь, — говорил он этим несчастным беглецам, — мы в три раза возвратим вам то, что вы там потеряли: дворян мы сделаем князьями, меньших людей — боярами; слуги ваши будут у нас людьми свободными; мы дадим вам землю, людей и слуг, будем водить вас в шелку и золоте, кошельки ваши наполним деньгами; мы не будем вам царем и господином, а отцем, а вы будете нашими детьми, и никто, кроме нас самих, не будет над вами начальствовать: я сам буду вас судить, и *вы останетесь при своей вере*. Но за это вы должны поклясться *по своей вере*, что будете служить нам верою и правдою... Молитесь, немцы, Богу о нашем здравии: пока мы живы, вам ни в чем не будет нужды, — и даже это (Годунов указал на свое жемчужное ожерелье) я разделю с вами».

В царствование Михаила Феодоровича протестантские общины существовали уже в Серпухове, Ярославле, Вологде и Холмогорах, а в самой Москве проживало более тысячи немецких семейств. Алексей Михайлович не менее своих предшественников покровительствовал немецким переселенцам, наплыв которых особенно усилился после злосчастной Тридцатилетней войны на западе. Он предоставлял им почетные места при своем дворе и охотно определял их на гражданскую и военную службу. При нем уже прочное положение заняли протестантские общины в Новгороде, Пскове,

Переяславе и даже Белгороде; а всех проживавших тогда в России протестантов — лютеран, реформатов и кальвинистов — насчитывали до 18 000. В царствование Феодора Алексеевича и в правление царевны Софии Алексеевны немцы в России по-прежнему продолжали пользоваться различными льготами, покровительством, почетом и доверием: 38 полков пехоты и 25 полков рейтарских находились под командою почти исключительно немецких военачальников.

О том, как широко были раскрыты для иностранцев двери в Россию при Петре Великом и какое покровительство оказывал немецким протестантам этот первый русский император, не благоволивший, как известно, к католикам, — нечего, конечно, и говорить. В этом отношении Петр далеко оставил за собою всех своих предшественников, не исключая и Годунова. Он держал себя с немцами запросто: дорожил их дружбою, нередко бывал приемником их детей, весело проводил с ними время в их Немецкой слободе за кружкою пива, щедро дарил их своими деньгами. Ради протестантов и к соблазну своих православных подданных — не говорим уже о раскольниках — он допустил даже так называемые *смешанные браки*.

При ближайших преемниках Петра общественное положение немецких протестантов в России ничуть не ухудшилось. При Анне Иоанновне Россия была сдана почти в аренду немцам: Бирон и его сподвижники бесконтрольно распоряжались во всей России и управляли ее жизнью, не исключая и Православной церкви. Петр III царствовал по указанию своих немецких руководителей. Екатерина Великая отвела немецким колонистам обширные степи Новороссии и Саратовского края... На императоров Павла I, Александра I, Николая I и Александра II немцы не могут жаловаться...

Отличаясь вообще редкою веротерпимостью, русское правительство, начиная уже со времен Василия Ивановича и его сына Иоанна Грозного, всегда предоставляло поселившимся в России протестантам право свободно исповедовать свою веру и беспрепятственно совершать свои богослужения. Правда, в первое время ни в Москве, ни в других русских городах протестантам не позволяли строить отдельных кирок и особых молитвенных домов. Для совершения своих богослужений они обыкновенно собирались в домах своих пасторов — «в клетях при доме немецкого попа». Но это продолжалось не много лет. Уже в 1575 г. царь Иван Васильевич Грозный позволил немецким протестантам построить особую кирку, хотя, кажется, и не в самой тогдашней Москве, а в двух верстах

от Кремля, на правом берегу реки Яузы, в Немецкой слободе, называвшейся тогда Налейкою, где немцам дозволено было селиться еще при Василии III Ивановиче; впрочем, на основании некоторых данных, можно думать, что первая протестантская кирка в Москве была построена гораздо ближе к Кремлю, именно — на «поганом» (ныне — «чистом») пруде. В 1580 г. в Москве существовала также и другая кирка — в «земляном» или «большом городе», близ теперешних «красных ворот». В 1601 г. Годунов позволил протестантам построить кирку уже в самом «белом городе», близ православной церкви, ныне именуемой «Святителя Николая на столбах», недалеко от Покровских ворот. Есть основание утверждать, что в эпоху самозванцев лютеранская кирка находилась даже и в самом московском Кремле; но отсюда она, кажется, скоро была перенесена на другое место, именно — на Моховую, где в настоящее время стоит университет. В 1626 г. была построена лютеранская кирка пред Флоровскими воротами. В 1643 г., когда в «белом городе» сгорела кирка, построенная с разрешения Бориса Годунова, придворный врач, бывший профессор Дерптского университета, Иван Белау испросил у Михаила Феодоровича позволение устроить на том же месте новую, так как ездить в кирку за город «от чиста сердца молить Бога за государево многолетнее здоровье и счастливое воздержание скипетра великого российского государя» ему нельзя «того ради, что по всяк час рано и поздно нужно готовым быть к обереганию царского многолетнего здоровья безотступно и отлучатися нельзя». Мало этого. В царствование Михаила Феодоровича в Москве были построены еще две реформатские кирки — голландская и английская. В 1662 г. в Москве появилась саксонская лютеранская община, имевшая свою особую кирку. Император Петр I не только охотно разрешал протестантам строить в Москве и Петербурге различные кирки, но и оказывал им на этот предмет щедрое пособие из государственной казны, не отличавшейся в то время особым излишеством, клал при их построении первый камень, присутствовал при их освящении, а иногда даже и сам пел в них лютеранские гимны и псалмы. Не стесняло русское правительство немцев в построении кирок и в других городах России, кроме Москвы и Петербурга. Так, в 1594 г., при сыне Ивана Грозного, Феодоре Иоанновиче, была сооружена лютеранская кирка в Нижнем Новгороде; а при Петре Великом протестантские кирки появились уже и в Туле, и в Казани, и в Новгороде; а в Воронеже были устроены две лютеранские кирки даже раньше, чем образовались там протестантские общины, ввиду

предположения Петра поселить в этом городе корабельных мастеров и матросов, вызванных им из Голландии, Англии и Германии. Сначала протестантам, проживавшим в Москве и других городах, не разрешали ставить крестов на их кирках, устраивать колокольни и иметь колокола; но уже в 1601 г. сам Годунов, на свои собственные деньги, построил колокольню при кирке в «белом городе» в Москве и повесил на ней три колокола.

При каждой кирке был особый пастор или проповедник; при некоторых московских кирках бывало, впрочем, и по два пастора, на которых возлагалась обязанность — совершать различные богослужения и произносить проповеди дважды в неделю: по средам и воскресеньям. Если же в каком-либо провинциальном городе протестантская община почему-либо не могла иметь своего особого пастора, то к ней наезжали проповедники из Москвы. Уже Иоанн Грозный предоставил право всем немецким пасторам разъезжать с евангелической проповедью по всей тогдашней России и повсюду устраивать по своему усмотрению протестантские общины или приходы. В Москву пасторы были присылаемы различными немецкими протестантскими университетами, но чаще всего — дерптским. Так, первый протестантский пастор Виттерман прибыл в Москву именно из Дерпта; Григори получил ординацию в Дрездене; Петр Ран был прислан теологическим факультетом из Кенигсберга... По свидетельству Бранда, сопровождавшего посольство бранденбургского курфюрста в 1673 г. в Москву, а также и Таннера, немецкие пасторы уже в их время получали от русского правительства определенное жалованье, именно — лютеранские по 400 руб. в год, а реформатские — по 500 руб.: деньги для того времени — громадные! Кроме того, они пользовались еще достаточным содержанием от своих прихожан и значительными заграничными субсидиями...

2. Внутреннее устройство и управление протестантских общин. Как известно, Лютер отверг все внутреннее устройство Католической церкви вместе с его истинными и ложными основаниями, как противоречащее евангельскому учению и искажающее его. Он не признал для себя и своих последователей никакого обязательного канонического значения ни за правилами свв. Апостолов, ни за постановлениями вселенских и поместных соборов. Что же касается частных источников римско-католического церковного права — лжеисидоровых декреталий, постановлений разных западных «соборов» и множества изданных папами булл, энциклик и подобных им законодательных актов, — то о них нет нужды

и упоминать. Своим последователям Лютер запретил даже читать их. Мало этого. В присутствии своих слушателей — студентов теологического факультета Виттенбергского университета — и большой толпы народа он торжественно сжег классический сборник канонов и других церковных правил, известный в Католической церкви под именем *Corpus juris canonici*. Свое догматическое учение он изложил потом в двух своих — большом и малом — катехизисах и в так называемых шмалькаденских артикулах христианского учения. Меланхтон² дополнил его аугсбургским исповеданием и апологиею последнего (в 1531 г.). Но ни Лютером, ни Меланхтоном не было издано никаких законодательных актов относительно общего устройства и управления протестантскими приходами. Это дело они отдали в руки представителей светской власти. По их учению, высшая церковная власть должна принадлежать государю страны, как главе церкви: *cujus est regio, ejus est religio!*³ А потому короли, князья, курфюрсты или вообще представители светской власти в имперских странах обязаны были заботиться как об устройстве, так и об управлении своей местной церкви — *Landeskirche*. Таким образом, изданным королями и курфюрстами уставам, законам и парламентским актам суждено было в протестантстве заменить собою Правила свв. Апостолов и каноны вселенских и поместных соборов. Понятно, что в первое время не могло быть, конечно, и речи о том, что бы протестантские общины получили стройную, однообразную, общецерковную организацию. В различных странах светские правительства издавали различные уставы, которыми и определялось устройство и управление протестантских общин в каждом отдельном государстве. Общим принципом немецкие правители отдельных государств признали, однако же, то, чтобы протестантским общинам была предоставлена свобода *внутреннего* самоуправления и устройства *внутренней* церковной жизни. Вследствие этого каждая протестантская община получила право устраивать свою религиозную жизнь в той форме и по тем нормам, которые она находила наилучшими. Впоследствии, благодаря соглашениям представителей протестантских общин на различных съездах, конгрессах и синодах, в немецких странах мало-помалу сложился и общий тип самоуправления протестантских приходов, представляющийся в следующем виде. Высшая церковная власть в каждом лютеранском приходе стала принадлежать общему собранию прихожан. На этих собраниях были избираемы приходские проповедники или пасторы, определялось их содержание, были

устанавливаются их права и обязанности по отношению к приходской общине; делалась раскладка взносов на построение и ремонт кирок и пасторских квартир; производилась проверка израсходованных приходских сумм; обсуждаемы были различные приходские нужды. Вместе с этим в лютеранских приходах не замедлили появиться и исполнительные органы общих приходских собраний, в виде коллегийумов, комитетов, конвентов, приходских советов и т. п. Тем не менее долгое время протестантские общины в немецких странах жили изолированной, отдельной, одна от другой независимую жизнью, не имея общего, высшего, центрального, правительственного органа и для всех обязательного устава. Вследствие этого как строй и состав коллегиальных исполнительных органов в протестантских приходах, так и права и обязанности их чинов были чрезвычайно различны: однообразия не было даже в протестантских приходах одного и того же города. Общим принципом оставались только коллегиальность и выборное начало.

У нас, в России, с самого начала своего появления, протестантские общины получили устройство аналогичное с тем, каким отличались и протестантские общины, из которых вышли наши колонисты; преимущественно же образцами для них служили приходы Остзейского края. Высшая церковная власть в протестантских общинах и у нас принадлежала общему собранию прихожан, которое обыкновенно бывало один раз в год, хотя, по требованию обстоятельств, могло созываться и чаще. Постоянным исполнительным органом его служил коллегийум, во главе которого стоял президент — непременно лицо светское, — патрон, устроивший в приходе кирку, богадельню, школу или сиротский приют, или вообще наиболее почетный и авторитетный член общины, но ни в каком случае не пастор. Число членов коллегийума, которые назывались попечителями, надзирателями или заседателями, в различных общинах было различно. Как президент, так и члены приходского коллегийума были избираемы на общем собрании прихожан; но срок службы их не был точно определен никаким законодательным актом. В большинстве только смерть президента или кого-либо из членов коллегийума давала повод общему приходскому собранию произвести выборы новых лиц взамен умерших; выбывших добровольно или удаленных за допущенные ими злоупотребления замещали также вновь избранными лицами. Пасторы и церковные старшины или старосты были, по должности, обязательными членами приходских коллегийумов. Ведению коллегийумов подлежали

все дела протестантских общин, не исключая и бракоразводных. На общих же приходских собраниях, кроме избрания членов коллегіума, были избираемы и члены ревизионных комитетов, которым принадлежало право контроля над действиями коллегіумов. О результатах своей ревизии, особенно по приходу и расходу приходских сумм, они обязаны были ежегодно представлять отчет общему приходскому собранию.

Действующие ныне в России законы «управления духовных дел христиан протестантского исповедания» (Свод Законов по изд. 1896 г. т. XI, ст. 252–1108) были изданы первоначально 28 декабря 1832 г. Образцами для них послужили главным образом Прусские церковные законы. По этим законам, согласно так называемой «территориальной системе», глава государства признается и главою церкви, потому что ему должна принадлежать власть над всем, что находился в пределах его государственной территории. В области религиозной жизни он осуществляет свою власть частью чрез общегосударственные законодательные учреждения (в делах церкви внешних), частью чрез специально-церковное правительство (в делах церкви внутренних). Высшим органом церковно-протестантского управления в Пруссии является так называемый *генеральный синод*, в состав которого входят все генерал-супер-интенденты, т. е. высшие церковные администраторы, которых, по власти управления, можно уподобить епископам, затем — депутаты, избираемые провинциальными синодами, и, наконец, лица, назначенные по усмотрению государя или вообще правительства. Впрочем, генеральный синод не есть постоянный и непрерывно действующий орган высшего церковно-протестантского управления в Пруссии: он созывается государем только чрез каждые шесть лет. Постоянным же высшим органом церковно-протестантского управления в Пруссии служит *Oberkirchenrath* т. е. *верховный церковный совет*, председателем которого всегда и непременно должно быть *светское* лицо; а членами его могут быть как светские, так и духовные лица. Если генеральный синод, постановления которого только тогда получают силу законов, когда они утверждаются государем, должен быть признан вообще органом церковного законодательства, то верховный церковный совет есть высшее учреждение административно-исполнительное: ему подчинены все *консистории*, ведающие дела церковных округов, уподобляющихся нашим епархиям. Консисториям же подведомственны дела и лица пробстских (благочиннических) округов, а пробстам — приходы.

Такой строй церковного управления для лютеранских общин удержан и русским законодательством: различие можно усматривать разве только в том, что прусский верховный совет в русских законах именуется *генеральной консисторией*, хотя и это название — *обер-консистория* — заимствовано русским законодателем из законов менее значительных протестантских государств Германской же империи. Впрочем, так как в России, кроме лиц евангелическо-лютеранского исповедания, проживают еще члены и других протестантских разновидностей, то русский законодатель определил и их государственное положение особыми уставами. Таким образом, в Своде наших законов (т. XI) есть уставы: 1) для евангелическо-аугсбургских общин; 2) для евангелическо-реформатских обществ: в С.-Петербурге, Москве, Риге, Митаве, Ревеле, в Царстве Польском и Архангельске; 3) для немецких колонистов в Закавказье; 4) для евангелических братских обществ в Сарепте и Прибалтийских губерниях; 5) для шотландских колонистов в Каррасе, базельских колонистов в г. Шуше, для меннонитов и для баптистов.

3. *Общие законоположения о протестантстве в России.* Законами Российской Империи протестантам не только предоставлена полная свобода исповедания их веры и совершения их богослужений (Свод Законов по изд. 1896 г. т. XI, ст. 1 и 2), но и тщательно охраняются как чистота, так и неповрежденность их вероучения. По нашим законам (ст. 253), из самих лютеран никто не должен дозволять себе распространять словесно или письменно мнения, противные лютеранскому учению. Профессоры и учителя Закона Божия, церковного права, церковной истории и различных богословских наук в лютеранских учебных заведениях *непрерывно* должны принадлежать к евангелическо-лютеранскому исповеданию, а при вступлении в должность они обязываются даже присягою наставлять юношество и преподавать свои науки согласно с учением своего исповедания (ст. 225). Евангелическо-лютеранские проповедники или пасторы также, пред поступлением на должность, дают присягу наставлять и поучать своих прихожан только согласно с правилами лютеранского исповедания (ст. 254). Но, охраняя чистоту и неприкосновенность лютеранского вероучения, русский законодатель (ст. 256) строго воспрещает лютеранам всякого рода прозелитизм или пропаганду и неуважение к другим верам, свободно исповедуемым в империи. По нашим законам (ст. 779), лютеранские консистории, генерал-супер-интенденты (епархиальные администраторы вроде епископов) и пробсты (благочинные или окружные администра-

торы) должны тщательно следить за тем, чтобы подчиненные им духовные лица, а насколько от них зависит, и находящиеся в подведомственных им округах миряне ни в каком случае не позволяли себе нарушать каким бы то ни было образом доброго согласия с прочими религиями, свободно исповедуемыми в государстве Русском, и чтобы ни словами, ни иным каким-либо способом не побуждали других иноверцев к переходу в лютеранство. Проповедники или пасторы должны всячески даже отклонять тех, которые, принадлежа к другому, равно покровительствуемому в государстве, исповеданию, будут просить их о наставлениях в лютеранских догматах или же об исправлении для них какой-либо духовной требы, а тем более — о принятии их в лютеранскую общину. Надлежащее разрешение на это законным образом может быть испрашиваемо у министра внутренних дел, а в Кавказском крае — у главноначальствующего гражданской частью (ст. 6 и след.) лишь самыми лицами иностранных исповеданий, желающими переменить веру, но — *без всякого участия лютеранского духовенства*. Порядок этот не отменен и в настоящее время. Только 5 июля 1904 г. циркуляром Министерства внутренних дел губернаторам было разъяснено, что «переход лиц, принадлежащих к одному из инославных христианских исповеданий, в другое таковое же разрешается *губернаторами*». Что же касается Именного Высочайшего указа 17 апреля 1905 года, то им «признано, что и отпадение от Православной веры в другое христианское (а следовательно, и протестантское) исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных в отношении личных и гражданских прав последствий, причем отпавшее по достижении совершеннолетия от православия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало». В частности, согласно циркуляру Министерства внутренних дел губернаторам от 18 августа 1905 г., лица, желающие перейти из православия в одно из инославных христианских исповеданий (а следовательно, и в протестантство) обращаются о том к местному губернатору непосредственно или чрез уездную административно-полицейскую власть (исправник, уездный начальник). В последнем случае уездная административно-полицейская власть безотлагательно представляет заявление губернскому начальству и одновременно с сим сообщает о желании отпадающего причислиться к иному исповеданию православному приходскому священнику по принадлежности. Губернатор, по получении заявления, как непосредственно ему по-

данного, так и переданного уездною административно-полицейскою властью, немедленно уведомляет о том православное епархиальное начальство и засим, не позднее чем в течение месячного (ныне — 40-дневного) срока со дня получения заявления, препровождает таковое на усмотрение местного инославного духовного начальства. О совершившемся присоединении православного к инославной вере инославное духовное начальство извещает губернатора, который сообщает о том надлежащей православной духовной власти.

Лютеранские проповедники или пасторы, без особого разрешения начальства, могут допускать только евреев к наставлению в догматах своего вероучения, когда они изъявляют желание перейти в лютеранство; но в этом случае лютеранские консистории обязаны следить за тем, чтобы, при присоединении евреев к лютеранству, были соблюдаемы все существующие по сему предмету постановления. Лютеранские проповедники или пасторы могут присоединять к своим общинам, без всякого разрешения, только лиц, принадлежащих к разным евангелическим протестантским исповеданиям. Для них лютеранские пасторы могут беспрепятственно совершать и все духовные требы. Для перехода из одного евангелическо-протестантского исповедания в другое достаточно, чтобы лица, желающие этого, представляли свидетельства проповедников прежних своих приходов об изъявлении ими этого намерения. Проповедники, принимающие их по таким свидетельствам в другое протестантское исповедание, обязаны, однако же, о всяком переходе этого рода доносить, чрез местную консисторию, Министерству внутренних дел. <...>

Понятие о лютеранском приходе. Действительными членами евангелическо-лютеранской общины могут быть только лица, исповедующие лютеранское вероучение, основанное на пророческих и апостольских писаниях Ветхого и Нового Завета, и признающие своими символическими книгами апостольский, никейский и афанасиевский символы веры, неизменное аугсбургское вероисповедание, а также и изъяснения, внесенные в сборник, известный под именем *Liber Concordiae* (ст. 252)⁴.

